

КАК РОЖДАЕТСЯ ПРИСУТСТВИЕ?

*Запись выступления Давиде Проспери и Хулиана Каррона
на Дне начала года движения CL.*

Медиоланум Форум, Ассаго (Милан)

28 сентября 2013 г.

Razón de vivir

La Strada

Discendi Santo Spirito

ДАВИДЕ ПРОСПЕРИ

Добро пожаловать. Говорю так не для проформы – ведь раз уж мы пришли, то точно не ради соблюдения формальностей. Решение приехать сюда или же в одно из многих других мест Италии, где наша встреча транслируется в прямом эфире по спутниковой связи, решение участвовать в этом предложении Движения является следствием суждения. И часто действие свидетельствует об истине куда красноречивее бесконечных разговоров. В течение года мы убеждались в этом неоднократно на примере многих пережитых событий, произошедших по инициативе как Движения, так и всей Церкви. Суждение, которое мы утверждаем с помощью сегодняшней встречи, заключается в том, что у нас есть уверенность: мы знаем, за чем хотим следовать – такова наша уверенность. Поэтому мы здесь. Начинать вновь, начинать каждый раз, каждый год – вот условие укрепления уверенности и желания судьбы в тех, кто не хочет прекращать путь.

«Как возможно жить?» Мы выбрали цитату из размышлений на Упражнениях Братства в качестве темы каникул и других наших встреч. Эта незамысловатая фраза затрагивает всех – настолько, что даже те, кто не переживает опыт, подобный нашему, рано или поздно должны задать себе такой вопрос, потому что он касается любого человека. За его простотой кроется грандиозный вызов, ведь, чтобы ответить на него, недостаточно слов. Мы отвечаем на него не рассуждениями или объяснениями, которые кто-то другой или мы сами даем себе, но живя; ответом является сама жизнь.

Именно поэтому каждый год мы берем на себя труд по вынесению суждения, предпринимаем попытки судить о том, что пережили, – нам хочется возрастая, глядя прежде всего на наш опыт. На сей раз помощью для нас стало необыкновенное письмо Франциска, опубликованное итальянской газетой *La Repubblica* в ответ на вопросы, заданные ему этим летом журналистом Скальфари. Без всякой самонадеянности, а лишь с безграничной благодарностью думаю, что каждый из нас, вспомнив о пути, пройденном в последние годы, нашел утешение в словах папы. Он говорит: «Для того, кто живет христианской верой, она означает не бегство от

мира или поиск какого-либо превосходства, а служение человеку во всей его полноте, каждому человеку – начиная с периферии истории; служение, которое постоянно обновляет смысл надежды, побуждающей, несмотря ни на что, к благим делам, и всегда устремляющей взгляд “по ту сторону”» (Франциск. Письмо неверующему. *La Repubblica*, 11 settembre 2013. P. 2).

Подумаем, что означают для нас его слова в свете решений, которые мы приняли в этом году, столкнувшись, например, с государственными выборами – в частности, с теми, что проходили в регионе Ломбардия, где история, связанная с Формигони, привлекла к нам всеобщее внимание. В ситуации общего замешательства, обозначившего указанный период, когда каждый день рождались и умирали различные предложения партий, коалиций и объединений, для меня самым интересным стали наши совместные попытки понять, как смотреть на происходящее. Нам недостаточно было, и вы все это прекрасно помните, выбирать из двух зол меньшее, мы использовали предоставленный нам шанс, чтобы спросить себя: что в подобных обстоятельствах нас интересует более всего? Какова сердцевина нашей жизни. Или, выражаясь словами отца Джуссани, что для нас дороже всего – для нас и для окружающих, о чем стоило бы говорить всем (в том числе и публично). Таким вопросом мы задались в сложившейся ситуации, решив испытать собственную зрелость. И должен сказать, путь, пройденный нами в последние годы, безусловно, стал в этой проверке определяющим. Суждение, вынесенное нами и опубликованное в *Home CL no поводу политической ситуации и выборов* (2 января 2013 г.), заключалось в следующем: единственное, что нам следует защищать и от чего мы не можем отречься, – опыт, полученный благодаря тому, с чем мы встретились. А проверка истинности этого утверждения состоит в том, способен ли такой опыт порождать подлинное присутствие – свидетелей новизны, приносимой в жизнь Христом, новых действующих лиц в обществе, в любой его сфере вплоть до политики. Причем присутствие это мы должны замечать даже в ситуациях замешательства и растерянности (как сказал бы папа: «не убегая от мира или ища какого-либо превосходства!»).

Отречение Бенедикта XVI явило нам яркий пример нового человека. Когда он вышел из дверей Ватикана, все вокруг плакали, а его лицо излучало уверенность и радость. В тот момент нам стало предельно ясно, к какому измерению человеческой личности мы призваны. В чем заключается наша человеческая уверенность? И какое отношение с реальностью она порождает? Казалось бы, папа потерпел поражение – и не втихую, а на глазах у всего мира (потому что для мира это поражение – у него не осталось больше сил, и он должен был отречься). Но как ему удалось сохранить радостное лицо? В подобной ситуации невозможно лукавить – ты знаешь, что все на тебя смотрят. Как возможно, чтобы человек был таким?

Каждый из нас ищет в жизни удовлетворение, способное привести к полному свершению то, ради чего, как нам кажется, мы сотворены. И часто трудности возникают потому, что для нас удовлетворение и его реализация зависят от плодов нашей деятельности и от признания наших усилий окружающими. Но возможно ли всеохватное, целиком соответствующее природе человека удовлетворение в сложных ситуациях (подумаем о множестве случаев несогласия или о неудачах,

с которыми любому из нас вольно или невольно приходится иметь дело)? Мы сотворены для исключительности, а не для банальности, а идеал жизни заключается в том, чтобы исключительность и величие нашей жизни становились бы опытом в обыденных, повседневных условиях. Удовлетворение приносит некая данность – живое отношение с возлюбленным присутствием (это хорошо видно на примере папы), которое дано, уже даровано, желанно. Отношение с возлюбленным Присутствием приносит в жизнь, в любой ее момент – даже когда тебе уже 86 лет и кажется, что ты потерпел поражение, ведь времени не осталось, – ожидание, уверенность, новое начало. Начинаешь спрашивать: что случится со мной завтра? Если мое сегодня состоит в отношении с этим Присутствием, тогда завтрашний день наполняется заинтересованностью, желанием увидеть, каким образом оно вновь обнаружит себя, вновь явит свою победу.

Такое сознание помогало нам в пути – равно как и суждения, которые мы услышали от отца Каррона или же вынесли сами по мере того, как наша компания совершала шаги в течение года. В частности, я вспоминаю ассамблею ответственных CL в Паченго, где стало ясно: удовлетворение действительно является для нас фактором, определяющим состоятельность жизни. А потому уверенность не принадлежит лишь тому, кто уже все знает и должен что-то разъяснить другим, хотя в глубине души уже ничего не ждет. Можно было бы назвать подобную уверенность всеведущей и самонадеянной. Наша же уверенность, напротив, любопытствующая – она всегда готова отправиться в путь и подталкивает нас вперед. Снова обращаюсь к письму папы Франциска: «Вера не бескомпромиссна, она возрастает в сосуществовании, исполненном взаимного уважения. Верующий не надменен, наоборот, благодаря истине он становится кротким и знает: не мы ею владеем, а она обнимает нас и владеет нами. Уверенность, которую дает нам вера, не сковывает нас, а ставит на путь и позволяет быть свидетелями и вступать в диалог со всеми» (*Там же*).

Наша уверенность – как я еще более ясно понял в прошлом году на примере пережитых событий, – заключается не в знании о том, чем все кончится, а в желании открывать это. Ведь истина, которую Христос принес в нашу жизнь, состоит в присутствии, Его Присутствии. Еще раз процитирую папу: «Я не стал бы говорить, – даже тем, кто верит, – об абсолютной истине, в том смысле, что “абсолютное” лишено каких бы то ни было связей» (*Там же*). Напротив, истина есть отношение, что подтверждает и приобретенный нами опыт. Это утверждение верно не только для нас, но для всех и каждого – даже для тех, кто его отрицает или о нем не знает. Поэтому из вопроса, который мы поставили перед собой вначале – «Как возможно жить?», тут же рождается еще один: «Какова наша задача? Что мы призваны делать в мире? »

В этом году на Митинге, буквально в первый день, мы оказались перед лицом вызова. Со страниц *Corriere della Sera* нам задавали вопрос о том, чего мы хотим: превратиться в некую группировку или же свидетельствовать о подлинном присутствии?

И вот, в свете всего пережитого я спрашиваю тебя: что значит наше присутствие в мире?

КАРРОН

Как возможно жить?

Этим летом я готовил упражнения *Memores Domini*, и на один из дней пришелся праздник святой Марии Магдалины. Чтения, предусмотренные в Литургии, ясно давали понять, каким образом Церковь предлагает нам смотреть на эту женщину – через призму ожидания и устремленности, которые отличали ее жизнь. Первый отрывок – из Песни Песней – рассказывает нам, чем была жизнь такого человека, как Мария: «На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его и не нашла его. Встретили меня стражи, обходящие город: «не видали ли вы того, которого любит душа моя?» (Песн 3, 1–3). Слушая это чтение, я говорил себе: как бы и мне хотелось хотя бы отчасти любить так! Мария свидетельствует нам о сердце, какое каждый из нас желал бы иметь в самой глубине собственного бытия – ведь «я» каждого из нас есть поиск любви, который способен продолжаться под натиском любых вызовов жизни.

Евангельский текст поразил меня тем, что в нем можно обнаружить два вопроса, которые мы поставили перед собой и которые легли в основу нашей работы минувшим летом: «Как возможно жить?» и «Какова наша задача в мире?»

«В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно». Чем была движима эта женщина, что не могла оставаться в постели и отправилась в путь столь ранним утром, еще до рассвета? «И видит, что камень отвален от гроба. Итак, бежит и приходит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и говорит им: унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его» (Ин 20, 1–2).

«Мария стояла у гроба и плакала. [Такова жизнь. И как возможно жить? Если мы не находим это присутствие, это возлюбленное присутствие, которое любит наша душа, то каждое утро нам остается лишь плакать. Потом, в течение дня мы можем, конечно, отвлечься. Но жизнь становится достойной лишь слез, если каждый из нас не обретает любовь, наполняющую жизнь смыслом, насыщенностью, теплом.] И, когда плакала, наклонилась во гроб, и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. И они говорят ей: жена! что ты плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его. Сказав сие, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? [Вот и связь: «Кого ищешь?» – «Ищу того, кого любит

душа моя, ищу присутствие, наполняющее жизнь». Вот почему Церковь предлагает смотреть нам на эту женщину сквозь призму отрывка из «Песни песней».] Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввунí! – что значит: Учитель! Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему. Мария Магдалина идет и возвещает ученикам, что видела Господа и что Он это сказал ей» (*Ин* 20, 11–18).

В этом отрывке мы находим ответ на оба вопроса: «Как возможно жить?» и «Какова наша задача в мире?» Необходимо сначала ответить на вопрос «Жена, что ты плачешь, кого ищешь?», потому что лишь найдя присутствие, которое она искала, которое отвечает на ее слезы, Магдалина могла сообщить что-то, могла пойти и сказать другим: «Я видела Господа».

Тот факт, что это произошло с человеком неизвестным, каким была Мария Магдалина, является для нас великим утешением. Нет никаких предустановленных условий, нет нужды достичь предварительно какого определенного уровня, не требуется особого дарования, чтобы искать Его. Поиск может быть укрыт в самой глубине бытия, под завалами нашего зла и нашей забывчивости, но ничто не может воспрепятствовать ему, никто не способен удержать эту женщину от поиска. Чтобы обнаружить в себе такую устремленность, требуется лишь подлинная нравственность, полная открытость, глубинная согласованность с самим собой, «неудаленность» от самого себя, благодаря которой человек может сказать: «На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя... не видали ли вы того, которого любит душа моя?» Требуется та подлинная открытость, какую мы видим и в других евангельских персонажах – таких же бедных малых, как и мы сами, которым, однако, никто не может препятствовать в поиске Христа. В таких как Закхей, что забирается на дерево, движимый желанием увидеть Иисуса, или самарянка, бесконечно жаждущая единственной воды, способной утолить ее жажду. Перед лицом евангельских персонажей не остается пространства для отговорок: все они, хоть и являются, подобно нам, бедолагами, устремлены к поиску Христа, их определяют стремление найти Его и пламенная любовь к Нему, лишаящие силы любую нашу тревогу, любой моралистический довод, которыми мы оправдываем то, что сами не ищем Его. Никто из нас даже не пытается представить, что произошло в этих людях, когда Иисус, склонившись над их ничтожеством, позвал их по имени. Какое потрясение они, вероятно, испытали! С какой новой силой должно было разгореться в них пламя любви к Нему, желание искать Его!

«Мария!» Какой трепет должен был охватить все человеческое в Иисусе, чтобы Он мог произнести ее имя тем тоном, с тем выражением, с той силой, с теми знакомыми нотками, которые позволили Магдалине тотчас признать Его, хотя за мгновение до этого она приняла Его за садовника. «Мария!» Слово вся нежность Тайны достигла этой женщины через трепет человеческой природы воскресшего Иисуса, которая теперь предстала без земных покровов, но не перестала от этого быть менее человеческой, даже напротив – вся полнота человечности воскресшего Иисуса приходит в движение оттого, что эта женщина существует. «Мария!» Так мы осознаем, каким образом в тот момент она поняла, Кто перед ней. Магдалина могла понять, Кого встретила, поскольку Он заставил трепетать все человеческое в ней – так, что она ощутила силу, полноту, преизобилие, каких ранее и представить себе не могла и какие переживала лишь в отношении с Ним. Без Него она никогда не узнала бы, ни кем является, ни какой могла стать и быть жизнь, какой насыщенности и полноты могла достичь жизнь.

Что такое христианство, как не присутствие, трепещущее перед судьбой неизвестной женщины и позволяющее понять, что Он ей принес, чем Он является для жизни? Какая новизна вошла в историю через то, как действует Христос. Иисус дал нам понять суть христианства, обратившись к женщине: «Мария!» Через сообщение бытия, в котором было во сто крат бытия, звучало во сто крат «Мария», Магдалине открылась истина о том, Кем был Иисус. Не теория, не разговоры, не объяснения, а событие перевернуло всех, кто тем или иным способом вошел в отношение с Ним и о ком Евангелия в своей обезоруживающей простоте повествуют нам самым незамысловатым образом, какой только можно себе представить. Они всего лишь называют людей по именам: «Мария!», «Закхей!», «Матфей!» или же повторяют слова Иисуса: «Женщина, не плачь». Как сообщил им Самого Себя Христос, какой след оставил в их жизни, что они уже не могли обратиться ни к чему иному и смотрели на реальность и на самих себя, охваченные Его присутствием, голосом, силой, с которой Он произносил их имя.

Вполне понятно потрясение, пронизывающее каждую страницу Евангелия, где речь идет о подобном опыте. К сожалению, мы слишком уже к этому привыкли и часто не чувствуем в себе никакого отклика; все нам кажется само собой разумеющимся, уже известным! Мы осознаем, что это необязательно так, когда кто-то, как, например, папа Франциск, свидетельствует нам о собственном изумлении здесь и сейчас: «Лучшее обобщенное определение, обнаруживаемое мной в самой глубине души и кажущееся наиболее правдивым, таково: я грешник, на которого посмотрел Господь. Я человек, на которого смотрит Господь» (Интервью с Франциском, *La Civiltà Cattolica*, №3918, 2013. P. 451).

Значение произошедшего события, и того уникального способа отношения к другому человеку, с помощью которого «я» Христа входит в отношение с «ты» Марии, позволяя ей стать самой собой, и произнесенного «Мария!», потрясшего Магдалину, и пламенного желания, возникшего в ней, – значение всего этого выражается в том, как она отвечает: «Раввунни! Учитель». Иоанн, со сдержанностью, присущей Евангелию, комментирует: «Она обратилась», услышав имя. Вот что такое обращение, и оно не имеет никакого отношения к морализму! Обращение равнозначно признанию: «Учитель!» Это ответ на любовь Человека, Который, произнося наше имя с неведомой нам прежде силой привязанности, позволяет нам открыть, кем мы являемся. Признавать Его – значит отвечать на любовь Того, Кто вновь пробудил в той женщине способность любить, позвав ее по имени так, что в ней родилось новое отношение к вещам, называемое целомудрием. «Не прикасайся ко Мне», – говорит Иисус Магдалине, – не удерживай Меня, ты в этом не нуждаешься. Все остальное – ничто по сравнению с тем мгновением наивысшей привязанности, которое пережила Мария со Христом.

Взволнованность побуждает ее обратиться ко Христу, и ее слова полны пламенной любви: «Раввунни! Учитель!» По сути ответ Марии произрастает из того способа, которым ее позвали по имени, он весь проистекает из единственного в своем роде потрясения, какое вызвал в ней Христос. В нем нет ни капли морализма! Мы о таком даже и не мечтаем. Лишь благодаря взволнованности перед фактом, что через Христа ей было сообщено бытие, Мария могла со всей любовью говорить: «Учитель».

Событие, которого, сам того не сознавая, ожидает каждый человек

Пламенное желание, которое ощутила в себе эта женщина, находит свое начало в человечности Христа, взволнованной любовью к этой женщине. Христос воплотился, чтобы сообщить нам Самого Себя через собственную плоть, через собственную взволнованность, через Свой взгляд, через манеру говорить, через тон голоса. Это пламенное желание – та новизна, которая вошла в историю и которую сегодня, как и вчера, ожидают люди, каждый из нас. «Нынешний человек, – говорил отец Джуссани в 1987 году на Синоде, посвященном мирянам, – возможно, сам того не подозревая, ожидает опыта встречи с людьми, для которых Христос является реальностью столь присутствующей, что меняет их жизнь. Нынешнего человека способно встряхнуть человеческое столкновение – событие, в котором отзывалось бы изначальное событие, когда Иисус поднял глаза и сказал: «Закхай, сойди скорее, Я иду к тебе домой» (L. Giussani. *L'avvenimento cristiano*. BUR, Milano, 2003. P. 24).

То же самое событие охватило и нас с вами. Благодаря личности отца Джуссани оно, отголосок изначального события, достигло и нас – через его человечность и его трепет перед Христом, которому мы все свидетели. Многие не сидели бы сейчас здесь, если бы не познакомились с ним, если бы нас не перевернул тот способ, посредством которого он приобщал нас ко Христу. Мы больше поймем, что произошло с нами во встрече с отцом Джуссани, когда будем читать его биографию. Именно благодаря ему трепет, объяввший когда-то Марию, достигает сегодня и нас, – не такой, как тогда, а тот самый, тот же самый, до нас дошло то же самое событие, которое охватило когда-то Марию. И каждый должен посмотреть на собственный опыт, должен вновь отправиться к истокам своего изначального порыва, чтобы увидеть, как зародился первый проблеск, первое желание принадлежать Христу. Нет другого источника принадлежности, помимо опыта христианства, переживаемого в настоящий момент как событие. И этого оказалось достаточно, чтобы мы ощутили безумное желание быть с Ним.

Как всегда, отец Джуссани помогает нам осознать важность всего того, что с нами случилось. В самом деле, «что такое христианство, если не событие нового человека, который по природе своим становится новым протагонистом на сцене мира?» (*Там же*. Р. 23), и основополагающий вопрос состоит в том, чтобы событие этого нового творения, нового рождения происходило.

Начало нового сознания

Лишь в том случае, если нашу жизнь захватывает столь могущественное Присутствие, нам нет нужды всякий раз защищаться от ударов обстоятельств, чтобы продолжать жить. И все же часто столкновение с обстоятельствами настолько ранит нас, что путь познания приостанавливается, и тогда все становится по-настоящему удушающим – как если бы мы смотрели на реальность исключительно сквозь нашу рану. Так Мария глядела на реальность через слезы и уже больше ничего другого не видела, она даже не узнала Иисуса! Тогда Он являет Себя, зовет ее по имени, и история начинается вновь, позволяя ей признать Его, начинать смотреть на реальность иным образом – ведь Его присутствие гораздо сильнее любой раны и любого плача, и поэтому оно вновь распаивает наш взгляд, позволяя видеть реальность в ее истинном свете. «Он ощутил на себе взгляд и стал видеть», – говорил Августин о Закхее (Св. Августин. *Беседы*, 174, 4.4). Друзья, насколько изменилась бы жизнь каждого из нас, если бы мы, невзирая ни на какие наши раны, позволили войти в нее этому взгляду.

Поэтому отец Джуссани настаивает: Иисус вошел в историю, чтобы приучить нас к истинному познанию реальности, ведь мы полагаем, будто уже знаем, что такое

реальность, но без Него нас охватывает страх, мы останавливаемся и в результате задыхаемся в обстоятельствах. А с Иисусом все открывается, Он словно говорит нам: «Смотрите, Я пришел научить вас подлинному отношению, тому верному поведению, которое делает возможным новый взгляд на реальность». Если мы не получаем такой опыт, непрестанно позволяя Его взгляду, Его присутствию входить в нашу жизнь, то переживаем реальность, как все остальные. Только в том случае, когда Иисус входит и делает возможным новый способ познания, мы в силах привести в мир иной способ находиться в реальности. Все обстоятельства даются нам для этого – чтобы побудить нас к новому познанию, чтобы мы увидели, Кто такой Иисус – Присутствие, позволяющее нам проживать реальность иным способом, новым способом. И так мы замечаем, что никакое обстоятельство не является препятствием или возражением, а ведь именно так мы часто думаем, будучи неспособными увидеть всю их глубинную привлекательность – настолько определяет нас наша рана. Мы сразу же умаляем их, считаем, будто знаем суть обстоятельств, и убеждены, что ничего нового в них не откроем. Поэтому нам остается лишь терпеть их, и мы делаем полную морализма попытку проверить, достаточно ли в нас сил, чтобы выносить эти удушающие обстоятельства.

Лишь в том случае, если Присутствие вновь являет Себя, как это произошло для Магдалины, путь познания не останавливается, а взгляд распахивается, потому что у нас есть нечто гораздо большее, чем знание ответов на все возражения и на все вызовы, – у нас есть *единственный ответ*. Но ответ не заключается, как полагаем мы, в инструкции к пользованию жизнью, ведь «инструкция» стала плотью – Присутствием, Словом. Ее содержание состоит в присутствии, в «Ты», которое достигло Марии. Поэтому если истина оторвана от этого отношения, не участвует в нем, то понять невозможно. Как написал папа Франциск Эудженио Скальфари: «Истина, согласно христианской вере, состоит в любви Бога к нам во Христе Иисусе. Стало быть, истина – это отношение!» (Франциск. *Письмо неверующему*). Так происходит для ребенка – ему многое неведомо, но в одном он уверен: есть мама и папа, которые знают все, и тогда в чем проблема? Если я уверен (и здесь кроется ценность уверенности, упомянутой Давиде) в этом Присутствии, захватывающем жизнь, я могу встречать лицом к лицу любое обстоятельство, любую рану, любое препятствие, любой удар, любую атаку, так как все это открывает во мне ожидание Тайны, которая особым образом делается жизнью, чтобы предложить мне ответ, чтобы сопровождать меня, даже когда придется войти во тьму. И все это произойдет согласно замыслу, придуманному не мной.

Насколько иначе пребывает в реальности тот, у кого есть открытые вопросы – потому что в те моменты, когда такой человек читает утреннюю молитву, или делает

молчание, или слушает друга, или пьет кофе, или читает газету, он весь устремлен к тому, чтобы открыть, ухватить любую крупницу истины, которая ему встречается. В результате все становится интересным, ведь если бы у меня не было вопроса, если бы у меня не было раны, если бы я не был полностью открыт, то не смог бы даже обнаружить и следа истины, я просто не отдавал бы себе в этом отчет. Поэтому наш путь является в *высшей степени человеческим*, он складывается не из галлюцинаций и видений, а из участия в *приключении познания*, которое позволяет нам все больше открывать привлекательность того, что заключает в себе каждое ограничение, каждая трудность, поскольку, какими бы ни были препятствия или обстоятельства – пусть даже болезненными, они всегда содержат некую часть истины, иначе их бы и не существовало вовсе.

Какова наша задача в мире?

Благодаря такому опыту жизни мы можем ответить на вопрос: «Какова наша задача в мире?» Мы все больше понимаем, в чем заключается наше задание не вопреки обстоятельствам, а как раз-таки благодаря им. Отец Джуссани напоминает нам, как это произошло в жизни Движения, и сейчас мы можем лучше понять его слова, произнесенные в 1976-м. Этот год стал как бы итогом пути через различные события жизни Движения, которые ясно показывали, в чем суть нашего пребывания в мире. Тогда он говорил о двух возможностях присутствовать в реальности: можно представлять собой реактивное присутствие – плод наших реакций – или же быть присутствием подлинным, которое рождается от того, что с нами произошло.

«Реактивное – значит определяемое шагами, которые не являются нашими. Иными словами, мы входим в мир с инициативами, выступаем с речами, используем определенные инструменты – но все это не является целиком и полностью порождением нашей новой человечности, а проистекает из способа говорить и действовать, вступать в отношения и вести себя, характерного для наших оппонентов». И поскольку мы до сих пор еще играем на поле, выбранном другими, «реактивное присутствие неизбежно оборачивается одной из двух ошибок. Либо оно превращается в *реакционное*, привязанное к собственной позиции лишь как к форме, содержание которой недостаточно ясно, чтобы стать жизнью <...>, либо становится подражанием другим». Напротив, «*подлинное присутствие*» основано на нашей изначальной природе» (L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza. 1975–1978*. BUR, Milano. P. 52, 65). То есть присутствие заключается в том, чтобы воплощать в жизнь общение со Христом и друг с другом. Мария, Матфей, Закхей принесли в реальность человеческую позицию, определяемую общением с Ним. Это общение было порождено взволнованностью Христа, которая передалась этим людям,

когда Он произносил их имя. Если то же самое происходит с каждым из нас, общение между нами выражается как присутствие, основанное на нашей подлинной, изначальной природе.

Подлинное присутствие

«Присутствие является подлинным, когда оно рождается от осознания собственной идентичности и из привязанности к ней, и в этом обретает свою основательность». Именно так мы получаем удовлетворение от жизни, как всегда говорил нам отец Джуссани, цитируя святого Фому: «Жизнь человека состоит в привязанности, которая есть главное, что ее поддерживает, потому что в ней человек находит самое большое удовлетворение» (Ф. Аквинский. *Сумма теологии*. Па, Пае, q. 179, a.1 co). Основательность жизни – там, где мы находим самое большое удовлетворение.

Так какова же наша идентичность? «Идентичность заключается в том, что мы знаем, кто мы такие и почему мы существуем, обладая притом достоинством, которое дает нам право надеяться, что наше присутствие принесет “нечто лучшее” в нашу жизнь и в жизнь всего мира». А кто мы такие? «Все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3, 26–28). И то, что случилось в Крещении, мы смогли исторически и осознанно ощутить во встрече с Движением; только тогда мы увидели масштаб борьбы, которую Христос начал с нами в Крещении, чтобы завоевать нас как *vir pugnator*, муж брани. Понимание пришло к нам, когда мы встретили Движение и были завоеваны, услышав, каким образом произносят наше имя. И тогда стало ясно, что хочет сказать святой Павел, когда пишет: «Вы, привлеченные Христом, Ему уподобились» (Ср. Гал 3, 27).

«Не вы Меня избрали, но Я вас избрал» (Ин 15, 16). «Это объективный выбор, которого мы уже не вырвем из себя, это проникновение в наше существо, которое не зависит от нас и от которого нам более не избавиться [вот что значит наша идентичность]. <...> Нет ничего, – говорит отец Джуссани, – более революционного с точки зрения культуры, чем взгляд на личность, который видит ее состоятельность в единстве со Христом, с Другим, и через него – со всеми, кого Он привлекает, со всеми, кого Отец предает в Его руки» (L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza*. P. 53–54). Необходимо понять это, ведь подобное восприятие нашей личности – являющейся таковой лишь потому, что Некто вновь повторяет наше имя, иначе мы все еще оплакивали бы факт своего существования, – не абстракция. Речь идет в первую очередь не о некой

концепции, а об опыте, и именно благодаря ему рождается наше самосознание, такое же, что появилось у Магдалины, которая больше не могла смотреть на себя, как раньше, настолько определяло ее обращение: «Мария!».

«Наша идентичность в том, чтобы уподобляться Христу. Уподобление Христу – образующее измерение нашей личности. Если Христос определяет мою личность, то вы, те, кого Он привлек, неизбежно входите в ее измерение. <...> [Поэтому], нахожусь ли я один в своей комнате, встретились ли мы втроем в университете, чтобы вместе заниматься, собралось ли нас двадцать человек в столовой <...> везде и всюду наша идентичность такова. А значит, суть проблемы – в самосознании, в содержании сознания о себе самих: «Живу не я, а Ты живешь во мне» [и наша идентичность проявляется в этом новом самосознании]. Вот он, подлинный *новый человек* в мире – новый человек, о котором мечтал Че Гевара и ради которого якобы совершались культурные революции, хотя в действительности власть таким образом лишь пыталась и пытается прибрать к рукам народ, чтобы подчинить его собственной идеологии; и он рождается в первую очередь не как логическое следствие, а как *новое самосознание*.

«Наша идентичность проявляется в новом опыте внутри нас [в способе переживать всякое обстоятельство и всякий вызов реальности] и среди нас – в *опыте привязанности к Христу и к тайне Церкви, которая в нашем единстве находит наиболее близкое нам конкретное проявление*. Идентичность – живой опыт привязанности ко Христу и к нашему единству».

«Слово “привязанность” – самое великое и самое понятное из всех доступных нам средств выразительности. Оно в гораздо большей степени означает «присоединение», которое рождается из суждения о ценности, из признания того, что существует в нас и посреди нас, нежели сентиментальную, эфемерную, непрочную, как лист на ветру, склонность. И в верности суждению, то есть в верности вере, по мере взросления привязанность растет, становится все более полнокровной, пульсирующей и мощной».

Факт, поглощающий, как пучина

«Живой опыт Христа и нашего единства является местом *надежды*, а потому и источником *вкуса* к жизни и всякого мыслимого расцвета *радости*, которая не должна ничего забывать или отрицать, чтобы утвердиться; а также это место, где человек снова обретает *жажду изменения собственной жизни*, желание, чтобы его жизнь становилась последовательной, чтобы она изменялась благодаря тому, что лежит в ее основании, чтобы она была более достойной той Реальности, в которую облечена».

«Внутри опыта Христа и внутри нашего единства живет пламенное стремление к изменению собственной жизни [не к оправданию наших ошибок!]. И это противоположность морализму: не соответствие закону, а любовь, к которой необходимо прилепиться, присутствие, за которым мы следуем все больше, вовлекая полноту своего существа [мама дорогая!], факт, в который мы можем уйти с головой, как в пучину [чтобы нас полностью объяла любовь без дна и без предела: «факт, в который действительно стоит погрузиться, как в пучину»]. <...> Так, кроткое, взвешенное и одновременно пламенное желание собственного изменения становится повседневной реальностью [желание принадлежать Ему, принадлежать Ему все больше, постоянно искать Его] без намека на пиетизм или морализм, превращается в любовь к истине о собственном бытии [подобной той, что испытывает человек, ищущий любимого], в желание, прекрасное и щемящее, как жажда» (Там же. Р. 54–56).

Но все вышеописанное должно достичь зрелости, потому что мы, как говорит отец Джуссани, по-прежнему пребываем в замешательстве. Если это малое, зачаточное начало не станет зрелым, его сметет первая же буря. Если «этот начальный знак» не станет зрелым, нам не выстоять, мы не сможем больше по-христиански нести на плечах громаду труда, ответственности и сложностей, к которым призваны. Людей невозможно сплотить с помощью инициатив [не это придает жизни основательность] – их объединяют подлинные знаки присутствия, даруемые Реальностью, что присутствует среди нас и облекает каждого: Христом и Его Тайной, видимой, благодаря нашему единству.

«Продолжая углублять идею присутствия, – говорит отец Джуссани дальше, – нужно заново дать определение нашей общине. Община – не сгусток людей, занимающихся реализацией неких инициатив [это 1976 год!], не попытка создать партийную организацию [опять же 1976-й!]. *Община – место действенного созидания нашей личности*, то есть зрелости веры [каждый из нас должен решить, будет он следовать за отцом Джуссани или же за своими идеями относительно того, что говорит отец Джуссани].

«Цель общины – *порождать зрелых в вере людей*. Миру нужны зрелые в вере люди, а не виртуозные профессионалы или компетентные рабочие, поскольку таких в обществе полным-полно, но весьма сомнительно, что они способны созидать человечность».

«Метод, позволяющий общине становиться местом созидания зрелой веры для каждой личности, <...> – это следование. <...> *Следовать* – значит уподобляться людям, переживающим веру более зрелым образом, [внимание!] *вовлекаться в живой опыт*, передающий нам (лат. *tradit*, отсюда же и *traditio* – традиция) их динамизм и вкус к жизни

[вот что значит с головой погрузиться в живой опыт, в факт]. Этот динамизм и этот вкус не передаются посредством наших умственных построений и не являются выводом логических рассуждений – они достигают нас как бы под осмотическим давлением. Новое сердце сообщает себя нашему сердцу, сердце другого человека начинает биться в нашей жизни [речь, не о том, чтобы соблюдать какие-либо инструкции или делать исключительно то, что велят другие! Сердце Другого начинает пульсировать в нашем сердце]».

«Отсюда рождается основная идея нашей педагогики *авторитета*: для нас подлинно авторитетными являются люди, увлекающие своим сердцем, динамизмом, вкусом к жизни, которые рождаются из веры. Но тогда *подлинная авторитетность есть определение дружбы*.

«Подлинная дружба – это *истинная компания на пути к нашей судьбе* <...> [поэтому мне всегда вспоминается столь знакомая всем нам картина: Петр и Иоанн с широко раскрытыми глазами бегут ко гробу, вместе устремленные к судьбе. Каждый может сравнить этот образ с собственным пониманием дружбы. Вместе устремленные к судьбе. Кто-то скажет, что это не дружба, а это еще какая дружба!]. И дело не в темпераменте <...>: подлинная дружба ощущается в сердце слова и в жесте присутствия» (*Там же*. Р. 57–59). Необходимо, чтобы «вера играла в конкретной жизни роль своеобразного реагента [и чтобы все входило в жизнь через нее], потому что тогда мы увидим прямую связь между верой и человечностью, которая становится более истинной [мы можем проверить, как все становится более истинным, если жить по вере в Сына Божия, отдавшего Свою жизнь ради нас] – в вере человечность становится более истинной [либо мы приобретаем этот опыт и он становится все более истинным, все более подтверждается, либо продолжаем «быть в Движении», тогда как наше сердце находится совсем в другом месте, и не в силу того, что мы «плохие», – просто ничто нас не удерживает]».

«Все это должно стать в нас истинным, и потому нам дано время. Поиск истины – приключение, ради которого время стало историей». Иначе, – говорит отец Джуссани, – мы поддаемся «искушению утопии», то есть соскальзываем вниз, возлагая «наши надежды и наше достоинство на “проект”, созданный нами самими» (*Там же*. Р. 61–62).

То, что спасает человека

И здесь отец Джуссани перечисляет все шаги в истории Движения и говорит: «Мы пришли в школы не с тем, чтобы создать альтернативный проект школы [сейчас будьте

внимательны]. Мы пришли туда с сознанием, что несем Христа, Который спасает человека – в том числе, и в школе». То же самое можно сказать обо всем. Потом он рассказывает, как в 1963-м и 1964-м, а потом и в 1968-м начинают сгущаться тучи. Но смотрите, о чем он говорит: что предали те, кто ушел, кто не остался преданным, верным подлинному началу? Что они предали? Присутствие. Что предаем мы? Мы предаем присутствие, если не укоренены в нем. Не «не-присутствие», поскольку мы можем наполнить жизнь чем угодно, как они наполняли ее инициативами. Что они предали? Что предаем мы? Присутствие, не отсутствие. «Проект подменил присутствие» (*Там же*. Р. 63–64). Теперь мы это хорошо понимаем. Мы видели, что приобрели, поддерживая определенные фронты, но только сейчас начинаем осознавать, сколько потеряли (если иметь в виду присутствие, изначальное присутствие), какой урон понесла наша истинная природа. Необходимо решить, во что мы превратимся – в некую группировку или же в подлинное присутствие. И совсем не обязательно не принадлежать никому, чтобы принадлежать всем. Более того. Чтобы принадлежать всем, необходимо принадлежать Ему Одному, потому что только Он может дать нам удовлетворение, о котором говорил Давиде, освобождающее и позволяющее действительно стать самими собой, не реактивным, а подлинным присутствием.

Какова же наша задача в мире? «Новизна состоит в присутствии, – продолжает отец Джуссани, – как в осознании того, что мы несем в себе нечто окончательное – окончательное суждение о мире, истину о мире и о человечности, выраженное в нашем единстве. Новизна – в присутствии как в осознании того, что наше единство является инструментом возрождения и освобождения мира» (*Там же*. Р. 65). И мы не можем подменить такое присутствие нашими собственными образами или проектами. О том же говорил и кардинал Скола в последнем пастырском послании: «Речь идет не о проекте, и уж тем более не о расчете. Полные благодарности, христиане стремятся “вернуть” дар, который незаслуженно получили и который поэтому требуется передать столь же бескорыстно» (A. Scola. *Il campo è il mondo*. Lettera pastorale. Centro Ambrosiano, Milano, 2013. Р. 40).

Почему у нас возникает искушение заменить веру проектом? Потому что мы думаем, будто вера, христианская община как присутствие не имеет достаточной силы влияния и неспособна изменить реальность. И потому полагаем, что должны добавить что-то еще, причем не ради выражения того, чем мы являемся (ведь так или иначе мы проявляем себя), а в качестве некоего дополнения – словно вере чего-то не хватает, чтобы быть конкретной, словно Иисусу чего-то недостает и нужно добавить что-то еще к Его свидетельству о Себе. Так думали все, кто считал, что переживать христианство в рамках

традиции недостаточно, чтобы быть присутствием, и нам тоже Движение кажется порой недостаточным. Поэтому у нас есть бесценная возможность углубить поставленный вопрос: «Кто мы такие? Какова наша задача в мире?»

«Новизна, – продолжает отец Джуссани, – *есть присутствие события* новой привязанности и новой человечности, присутствие того *начала нового мира*, которым мы являемся. Новизна – не авангард, а остаток Израиля, *единство тех, для которых произошедшее является всем* [не частью, к которой нужно добавить что-то еще; произошедшее – все] и которые ждут лишь явления обещанного, осуществления того, что заключено внутри произошедшего. Новизна, следовательно, не будущее, к которому нужно стремиться, не культурный, социальный или политический проект. Новизна – это присутствие [какой вес обретают сейчас эти слова! И их справедливость подтверждает ежедневно папа Франциск: ему не требуется ничего другого – лишь представить безоружным перед любыми вопросами]. Быть присутствием не значит не выражать себя. Присутствие – это тоже способ выражения» [и притом нечто совсем иное] (L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza*. P. 65–66). Только вот способы выражения существуют разные.

«Способом выражения утопии являются речи, проекты и отчаянный поиск организационных инструментов и форм. Способ выражения присутствия – деятельная дружба, поступки, которые характеризуются иным, чем у других, поведением субъекта, и это отличие проникает во все, использует все (учебные столы, аудитории, попытки реформы университетского образования и т. д.). В результате такие действия характеризуются настоящей человечностью, то есть милосердием. Новую реальность строят не с помощью речей или организационных проектов, а совершая поступки, отличающиеся новой человечностью в настоящем». Каждому из нас, каждой общине стоит задуматься: как мы можем совершать в реальности поступки, характеризующиеся настоящей человечностью, то есть милосердием? И тогда мы поймем, что ответственность не отменяется, а понимается иначе. «Я указал, что должно произойти, чтобы мы стали усерднее работать, все больше влиять на реальность – с неизменно растущей радостью, а не на износе сил и не с горечью, которые отделяют нас друг от друга. Задача, стоящая перед нами и требующая решения, – стать выразителями сознательного присутствия, умеющего критиковать и склонного к систематичности. Задача эта влечет за собой труд. *Труд же заключается в утверждении нашей идентичности внутри материальности жизни. Моя идентичность*, в той мере, в какой она проникает в материальность жизни, то есть *в той мере, в какой она включена в условия существования*, действует и заставляет меня реагировать» (Там же. P. 66, 69).

Все вышесказанное мы услышали от отца Джуссани еще в 1976-м, но и в 1990-е он продолжал настаивать на этом, формулируя проблему еще более радикальным образом. «Начиная с Собрания студентов в 1976 году, получившем название “От утопии к присутствию”, был пройден путь, который теперь вынуждает нас прорваться к слову “присутствие” и очистить его. Нужно прорваться к нему и очистить его <...> потому что присутствие целиком и полностью заключено в личности, в тебе [то есть в новом творении]. Содержание присутствия совпадает с твоим «я». Присутствие рождается в личности и основывается на ней. <...> А стать действующим лицом и главным героем присутствия личность может с помощью ясности веры [как легко убедиться на примере папы Франциска] – ясности сознания, называемой верой, ясности сознания, называемой разумностью, поскольку вера является высшим проявлением разумности, ведь именно разум достигает ее горизонта, распознавая свою судьбу и истину о вещах, различая, где добро, а где зло, выявляя великое присутствие – великое присутствие, что ведет к преобразующему обращению с вещами, благодаря которому они становятся прекрасными, справедливыми, благими и мирно существуют. Присутствие целиком и полностью опирается на личность, рождается в личности и основывается на ней, и личность есть разумение реальности вплоть до прикосновения к ее предельному горизонту» (L. Giussani. *Un evento reale nella vita dell'uomo. 1990–1991*. BUR, Milano, 2013. P. 142–143).

Именно поэтому связаны два вопроса: «Как возможно жить?» и «Какова наша задача в мире?» Фактор, который их объединяет, – личность. Мы можем обманывать себя, заполняя жизнь инициативами, лишь бы уклониться от обращения. Но насколько велика разница, если инициативы являются выражением обращения, нашей принадлежности Ему. Как напоминает нам отец Джуссани, «присутствие Христа в обыденности жизни заставляет наше сердце биться все сильнее: взволнованность перед Его присутствием становится взволнованностью в повседневном существовании и все больше освещает и украшает повседневное существование, придает ему нежность и смягчает его тон. Нет ничего бесполезного, нет ничего чуждого, потому что нет ничего, что чуждо твоей судьбе, а значит, нет ничего, к чему нельзя было бы привязаться [не «стерпеться» – «привязаться»!]. Человек привязывается ко всему, в нем рождается привязанность ко всему, ко всему, и удивительны последствия этой привязанности, такие как бережное отношение к тому, что ты делаешь, точность в том, чем занимаешься, верность конкретному делу, упорство, позволяющее довести его до конца. Ты все более неутомим, как говорится в отрывке из книги Исая: «Утомляются и юноши и ослабевают, и молодые

люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут – и не устанут, пойдут – и не утомятся» (*Там же*. Р. 103–104).

Плодотворная радость

Когда такое отношение к жизни проникает до самого основания нашего бытия, жизнь наполняется радостью. И это последняя лакмусовая бумажка, которую нам оставляет отец Джуссани. Сколько действительно радостных людей мы знаем? Ведь без радости невозможно породить и не существует присутствия. Именно радость связывает два вопроса: «Как возможно жить?» и «Какова наша задача в мире?», потому что без ответа на первый нет ответа и на второй, а значит, нет и радости. Отец Джуссани настаивает: радость является условием для порождения. «Радость – это отражение уверенности в счастье, в Вечном, и она складывается из уверенности и желания идти вперед [уверенность побуждает двинуться в путь], осознания пути, который совершает человек. <...> Имея такую радость, можно смотреть на все с симпатией [с радостью, с такой радостью возможно породить не иначе, нежели остальные], <...> потому что смотреть с симпатией на того, кто несимпатичен, означает породить нечто новое в мире, породить новое событие. Радость есть условие порождения, радость – условие плодотворности. Пребывать в радости – вот неперемное условие для того, чтобы породить иной мир, иную человечность. И есть человек, который для всех нас должен бы стать источником утешения и умиротворяющей уверенности, – Мать Тереза из Калькутты <...> Ее радость плодотворна и способна породить: самое незначительное ее действие меняет мир. И радость эта не выражается в натянутом, искусственном смехе, сковывающем лицо, нет, нет, нет! Она вся пронизана глубочайшей печалью о вещах, как и лицо Христа. <...> [Но] печаль есть преходящее условие пути <...> [а потому] даже наше зло не в силах лишить нас радости; <...> радость подобна цветку кактуса, который на растении, полном колючек, порождает нечто прекрасное» (*Там же*. Р. 240–241).

